

**ПРЕДМЕТЫ ВНУТРЕННЕЙ ТОРГОВЛИ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ
В X–XIV ВЕКАХ (ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ)**

Внутренняя торговля Среднего Поволжья и Прикамья в X–XIV вв. изучена крайне недостаточно. Для болгарского средневековья археологические материалы могут показать масштаб и характер движения товаров, динамику роста товарного производства и товарно-денежных отношений не только в городах, но и на селе. Проведена характеристика предметов внутренней торговли Волжской Булгарии – гончарной керамики, изделий кузнечного ремесла, медных сосудов и других образцов из меди и бронзы, украшений из драгоценных металлов, монет и слитков. Некоторые изделия интересны и тем, что являются примером импорта ремесленных технологий, распространения культурных достижений этого периода в результате торговых связей.

Ключевые слова: Волжская Булгария, предметы внутренней торговли, клады сельскохозяйственных орудий и медных сосудов, височные колечки, серебряные перстни, «подвески с уточкой», стеклянные бусы, ожерелья, этнические украшения, монеты и слитки.

Важной и сложной для изучения областью экономических отношений Волжской Булгарии является развитие внутренней торговли, к которой мы относим как торговлю внутри города и деревни, так и обмен между ними, обмен между различными районами Булгарии, а также торговлю товарами, полученными из соседних стран. Развитие земледелия, скотоводства, ремесленных производств, т. е. в целом развитие экономики государства, явилось базой для ускоренного развития и внутренней торговли. Следовательно, внутренняя торговля отражала степень экономического развития Волжской Булгарии IX – начала XIII в. Включение страны в состав Золотой Орды в качестве болгарского улуса значительно усложнило экономические отношения, и его население, сложившееся после политических потрясений 30-х гг. XIII в., вело разный по своей экономической сути образ жизни, связующей нитью для которого оставалась торговля.

Внутренняя торговля Среднего Поволжья и Прикамья все еще недостаточно изучена. Большинство авторов рассматривают ассортимент и направления внешнеторговых связей, поскольку их изучение возможно на основе прямых и достаточно ярких письменных и археологических источников. Моменты внутренней торговли, особенно

ассортимента товаров, рассматриваются значительно реже. А между тем внутренний обмен составляет одну из основ экономики Волжской Булгарии. Учитывая, что для болгарского средневековья в целом и для характеристики торговли и товарно-денежных отношений этого периода в частности письменных источников недостаточно, археологические материалы являются иногда главным источником по изучению движения товаров, масштабу и характеру, а также воспроизводству и динамике роста товарного производства.

Эта тема связана и с важной методологической проблемой – соотношения натурального хозяйства и простого товарного производства в рамках раннефеодальных отношений в X – начале XIII в. и сложившихся зрелых форм феодализма во второй половине XIII – XIV в. В настоящей статье рассматриваются предметы внутренней торговли, поскольку анализ масштабов обмена и даже основного ассортимента для внутреннего болгарского рынка можно реконструировать по данным археологии. Это позволяет накопленная и введенная в научный оборот база письменных и археологических источников. Используются археологические материалы, частью опубликованные, из Булгарского, Билярского городищ Семеновского, Измерского, Мало-Пальцинского, Мур-

зихинского, Остолоповского, Левашовского и ряда иных поселений, а также происходящие из поселений на р. Кама, раскопанных Новостроечной экспедицией Главного управления государственного контроля и использования памятников истории и культуры Министерства культуры Республики Татарстан, возглавляемого автором. Понятно, что всесторонняя разработка этой темы требует тщательного отбора и сопоставления письменных, литературных, языковых источников, данных археологии, нумизматики, метрологии, эпиграфики, фольклора, т. е. синтеза источников разного типа [Валеев, 1985. С. 20–29].

В Волжской Булгарии, несмотря на преобладание натуральных отношений, не исключались и товарные. Специализация ремесленных производств и отделение его от сельского хозяйства в первой половине X в. оказали решающее влияние на развитие внутреннего рынка и привели к значительному увеличению товарооборота сначала в городе, а во второй половине домонгольского периода, особенно в золотоордынское время, и на селе. Рыночный спрос на различные виды ремесленной продукции привел к стандартизации и удешевлению изделий, рассчитанных на достаточно широкий круг потребителей, и, следовательно, к дальнейшему развитию технологии производства. Все это, в свою очередь, способствовало росту ремесла и объемов торговых операций. Особенное развитие внутренняя торговля получила в городах, где продавались товары повседневного спроса, прежде всего изделия ремесленных производств, продукция сельского хозяйства.

При исследовании наиболее массового материала болгарских городищ и селищ – керамики – довольно ясно видна тенденция стремления гончаров к обеспечению сбыта своего товара.

В первую очередь, об этом может свидетельствовать картина соотношения лепной и гончарной посуды на небольших городищах и селищах, а также на остатках крупных городских центров. Так, для поселений, возникших в X в. и существовавших в первой половине домонгольского периода, свойственно большое количество лепной керамики – от 25–30 до 50 %. Памятники первой половины домонгольского периода, но возникшие немного позже, содержат посуду, выделанную от руки, – 10–20 %. На памят-

никах XII в. ее менее 10 %. Таким образом, чем позже происходит возникновение поселения в рамках X – начала XIII в., тем меньше на нем встречается лепная керамика. В конце домонгольского периода она почти целиком вытесняется гончарной посудой. При этом крупным городским центрам свойственно меньшее количество лепной керамики и более быстрое вытеснение ее продукцией ремесленного производства. В Булгаре лепная керамика с 18–20 % в X–XI вв. уменьшается в 3–5 раз во второй половине домонгольского периода. Сувар отличается гораздо меньшим количеством ее в течение всего домонгольского периода, с 0,8 % в X–XI вв. до 0,3–0,4 % к XII – началу XIII в. В Биляре ее количество невелико и в культурном слое определяется от 0,2 до 4 % [Хлебникова, 1984. С. 78].

Эти цифры довольно наглядно показывают, что в крупных городах осуществлялось массовое изготовление гончарной посуды, в том числе для продажи не только на внутреннем городском рынке, но и для торговли с Русью, а также иными соседями болгар. Следовательно, керамическое производство, подавляющее большинство изделий которого изготовлено на гончарном круге с применением наиболее передовой технологии изготовления и обжига при огромном разнообразии столовой, кухонной и тарной посуды, выполненной по определенным стандартам и с большой унификацией форм, свидетельствует о высоком уровне гончарного ремесла и преимущественном изготовлении продукции на рынок.

Керамические изделия, изготавливавшиеся в городских мастерских и составлявшие существенную статью обмена между городом и деревней, представлены, прежде всего, тарными и столовыми сосудами: корчаги, кувшины, особой популярностью пользовались небольшие кружечки. Продукцией города были и изделия, требующие высоких профессиональных навыков и соответствующих технических средств (например, изготовление крупной керамической тары типа хумов). Так, в Мало-Пальцинском селище, относящемся к X–XI вв., гончарная керамика составляет 43 %, в Остолоповском селище, относящемся к концу X – XII в., ее количество составляет уже 81 %, в Левашовском селище, в слое XII – начала XIII в. – 95,8 %, в Рождественском

селище конца XII – начала XIII в. – все 100 % [Хлебникова, 1984. С. 79].

При этом интересно то обстоятельство, что близость поселений городского типа влияла на массовость изготовления гончарной посуды. Так, Остолоповское селище расположено недалеко от городища Джукетау, и мы видим, что количество найденной гончарной керамики здесь значительно больше, чем, скажем, на Мало-Пальцинском селище, расположенном дальше от ближайшего городского центра. Можно предполагать, что для центральных районов государства весомую долю гончарной посуды высокого качества производили гончары Биляра. Об этом свидетельствуют характерные формы сосудов, особенности декорации и знаки-клейма на донцах. Из города в деревню к состоятельным сельчанам поступала парадная посуда с глазурью. В основном это блюда или глубокие чаши. Цвет поливы в мастерских Биляра был, как правило, темно-зеленый (хромовый); в XIII–XIV вв. было налажено производство поливной керамики в золотоордынских городах, и цвет стал более богатым и красочным. Находки поливной керамики в городе и на селе свидетельствуют как о значительном объеме производства посуды такого вида в XI–XIV вв., так и процессах, связанных с развитием товарно-денежных отношений на селе.

Прцветала и «малая» торговля между деревнями. Торговали изделиями деревенских гончаров. Реализовывалась посуда, получившая в археологии название «типа джукетау», с примесью крупного песка в тесте и орнаментом из многорядной волны. Качественная глиняная посуда, изготавливавшаяся на одном из поселений, могла распространяться в близлежащих поселениях и через небольшие базары обслуживать достаточно отдаленные селения. На примере Мурзихинского, Чакма, Остолоповского, VI Алексеевского селищ можно говорить о существовании своего рода районной или областной системы внутренней торговли, где продуктами обмена, кроме продуктов сельского хозяйства и промыслов, в основном были керамические и кузнечные изделия [Руденко, 2002а. С. 31–45].

Поступление керамики в XI–XIV вв. в достаточно далекие от городов села говорит о возросшем объеме ее производства и, по всей видимости, об удешевлении в результате роста производительности труда,

развития торговых отношений не только между городом и селом, но и межрегиональной торговли, а также торговли с Русью, финно-угорскими народами [Валеев, 1985. С. 54–55, 58, 72–73].

Кузнечное ремесло, в силу его сложности, для ремесленников, специализировавшихся в этой области, стало основным видом деятельности, от результатов которой они получали средства для жизни. Кузнецы-ремесленники жили и производили продукцию как в городах, так и в селах. Уровень развития городского кузнечного ремесла был выше. Городские кузнецы могли обеспечить как горожан, так и жителей городской округи необходимыми орудиями земледелия, скотоводства, бортничества, охоты, вооружением. Так, материалы Билярского городища показывают широкое распространение здесь самых различных изделий кузнечного ремесла – от металлических частей сельскохозяйственных орудий до накладок на конскую упряжь. При его раскопках, в центре внутреннего города, были изучены усадьбы ремесленников-кузнецов, которые специализировались на изготовлении железных цилиндрических замков. Только в районе горнов было обнаружено около 100 бракованных замков и их обломков [Исследования..., 1976. С. 64–74]. Подобного рода замки встречаются и в Булгаре. Кроме того, для продажи в Булгаре и Биляре изготавливались пользовавшиеся особой популярностью и в городе, и на селе бронзовые замки в виде фантастического животного, названного в литературе «барсом». А. П. Смирнов отмечает их стандартность и в их изготовлении видит обособившееся производство [Смирнов, 1951. С. 103]. На одном из бронзовых замков из Билярска имеется надпись мастера Абу-Бекра и дата – 1146–1147 гг. Такие замки были, по сути, предметами искусства, что, несомненно, повышало их стоимость и цену.

Особо надо остановиться на кладах сельскохозяйственных орудий. Часть из них подробно описана Е. П. Казаковым, в их числе известнейший Семеновский клад, опубликованный А. Х. Халиковым [1981. С. 102–107; Казаков, 1991. С. 50, 53, рис. 16, 17]. Датировку Семеновского клада концом домонгольского периода или 1236–1240 гг. сделал А. Х. Халиков [1981. С. 107].

Так как многие вещи из этого клада использовались в классификации и в ряде слу-

чаев служили хронологическим репером датировок, рассмотрим его отдельно. Несмотря на обилие вещей (54 предмета), датирующих из них немного. Основой отнесения клада к домонгольскому времени послужили находка шиферного пряслица и расположение около болгарского селища домонгольской поры. Практически все вещи из клада имеют широкое бытование в XII–XIV и даже в XII–XVI вв.

Хорошо датированные в новгородских древностях замки из числа найденных в кладах, относятся к типу Г, появившемуся в конце XIII в., и к типу В XII–XIV вв. Датировка удила домонгольским временем очень узкая, поскольку удила такого типа встречаются в золотоордынский период также часто, как и в домонгольский [Иванов, Кригер, 1988. С. 9, рис. 1, 8–14]. Стремена в кладах достаточно оригинальны и, на наш взгляд, ближе к подобным изделиям золотоордынского времени. Оригинальные типы стремян находят аналогии в материалах поздних слоев Казанского Кремля. Отметим также, что размеры резаков из клада характерны для золотоордынского времени. В целом очевидно, что перед нами комплекс предметов, сложившийся в течение не одного десятилетия и являющийся тем самым кладом длительного накопления. Об этом дополнительно свидетельствует очень интересная деталь: наличие дужки от медного котла и очажной цепи от него же, но отсутствие самого котла. Вместе с тем здесь есть фрагменты, отнесенные исследователем к железному котлу. Подобные изделия типа ведер часто встречаются в русских древностях XII–XIV вв., очень редко в болгарских (до второй трети XIII в. производство медной бытовой посуды, широко развитое здесь, было, если не традиционным, то, по крайней мере, вне конкуренции, и нужда использовать железную бытовую посуду была минимальной). Чугунные котлы, распространившиеся в конце XIII в. и особенно в XIV в. и в большом количестве встреченные на V Семеновском селище (впрочем, как и фрагменты медных котлов на I–III Семеновских), в кладах также отсутствуют, да и отмеченные очажные приспособления для них не пригодны. Интересна также ручка от ковша из перевитого железного дрота. Аналогичные найдены на Старокуйбышевском городище и IV селище. Датируются ковши с такими ручками XII–XIV вв.; широко были

распространены они в XIII в. у кочевников, заменив медные котлы после монгольского нашествия, а также в синхронных могильниках на р. Чепца. Наиболее ранним можно считать здесь шиферное пряслице, весьма характерное для XII–XIII вв. долото (или пешню), изделия из перевитого железного дрота и детали от медных котлов и ковшей, а также приспособления к ним (цепь, ручки, дужки). Сюда же с определенной долей условности можно прибавить дужки от замков типа В, струг и сланцевые точила. Как мы видим, эти предметы образуют комплекс вещей домашнего хозяйственного обихода. Остальные вещи связаны как с сельским хозяйством, так и с коневодством и, видимо, не могут быть древнее конца XIII – начала XIV в. Не противоречит этому и находка замка типа Г, топоров поздних форм, нехарактерных для болгарских домонгольских древностей. Шиферное прясло безусловным показателем домонгольской принадлежности быть не может, равно как и территориальное расположение клада.

Большое количество однотипных вещей (4 топора, 6 сошников, 2 плужных ножа, в том числе и сломанных) свидетельствуют о том, что даже эти вещи использовались уже достаточно долго. Удивляет и отсутствие массы бытовых вещиц – ножниц, шильев и т. п., малое количество ножей. Положение, в котором обнаружены вещи, дает возможность предположить, что они были спешно принесены в три приема и так сохранились до момента обнаружения. Маловероятно, что это были события местного значения: сворачивать и прятать обширное хозяйство при пожаре или переезде нецелесообразно, да и потом ведь они так и не были использованы. Значит, причиной могли послужить какие-то серьезные события того периода. Мы считаем, что, вероятнее всего, сокрытие этого клада нужно отнести ко времени не ранее 60-х гг. XIV в., когда наступило «смутное время» в Золотой Орде и беспорядки охватили даже спокойную ранее периферию империи. Аналогичные клады найдены в Самарской области [Юнусова-Ключникова, 1977. С. 93–98] и Молдавии [Полевой, Брыня, 1974], датированы также XIV в. Семеновский клад сельскохозяйственных орудий, также как и клад монет, безусловно показывает срез комплекса предметов, большая часть которых изготавливалась в специализированных мастерских

и предназначалась для продажи на внутреннем рынке.

Несомненно, предметом внутренней торговли являлись и медные бытовые сосуды. На первом месте стоят котлы. Они собирались из отдельных, тонких листов меди механическим способом, с помощью швов «в зубец», фальцовки и клепки, в различных сочетаниях [Руденко, 2000]. В Булгарии встречены котлы нескольких типов:

- сосуды с цилиндрическим или усеченно коническим туловом (тип М-1) размером 17–20 × 13–15 см и емкостью около 5 л; датируются рубежом IX–X – началом XI в.;

- аналогичные по форме сосуды (тип М-2 и М-3), но более крупные: размеры в первом случае 25–26 × 13–15 см, емкость около 8 л, а во втором – 25–26 × 13–14 см и емкость около 7,5 л; собраны они иначе, чем тип М-1; датируются концом X – началом XI в.;

- наиболее распространенный тип котелков (тип М-4) имеет размеры 20–30 × 10–17 см и емкость около 6 л, самые большие котлы вмещают до 12 л; наименьшие размером 15–16 × 11 см имеют объем всего 2–2,2 л; эти сосуды очень стандартны как внешне, так и по способу изготовления (собраны трех- и четырехчастной сборкой фальцем и «в зубец», ушки медные с одинарной и двойной расковкой концов, венчик загнут и отогнут наружу, в месте сгиба положена узкая медная полоска); датируются XII – началом XIII в., преимущественно XII в., пережиточно бытуют в течение XIV в. (массовое производство их прекратилось во второй половине XIII в.; не исключено, что часть их производилась в одном или нескольких центрах, причем необязательно только в городском – могло быть налажено производство таких изделий и в сельских ремесленных слободах или сельской вотчине);

- в единственном экземпляре представлен котел шаровидной формы (тип М-11 – двучастной сборки с помощью швов «в зубец») с IV Старокуйбышевского селища [Казаков, 1991. С. 113]; диаметр горловины 20 см, венчик цилиндрический, украшен насечками, тулово диаметром 34 см (радиус 17 см), ушки медные, петлевидные; объем сосуда около 20,56 л; датируется XII–XIII вв.

Медная посуда, и в особенности котлы, пользовалась большой популярностью на внутреннем рынке и была широко распространена. Поэтому клады медной посуды

являются также важным источником по изучению ассортимента внутренней торговли.

Крупнейшим кладом медной посуды является Старорождественский клад, обнаруженный С. Мазитовым 16 мая 1893 г. Распавшаяся между на своем участке в 7 верстах от д. Старый Баран и в 1 версте от с. Рождественно (ныне с. Старое Рождественно Ульяновской области), он выпал на глубине 1 аршина 12 медных котлов, 6 ковшей, 1 водонос, железный кружок с отверстием, крючок, ключ, 2 цепи с пробоями; все котлы были уложены в 2 больших котла, а водонос лежал около них. Железные вещи были найдены позднее, при дополнительном осмотре¹.

Трехозерский клад был найден 17 июля 1890 г. С. Саженковым во время пахоты в поле в местности «Чищевная земля» у с. Три Озера Спасского уезда. Здесь на глубине 4 вершков обнаружен медный кувшин, лежащий боком на медной тарелке. Н. Фирсов определил вещи как болгарские².

Вероятно, остатки клада медной посуды были зафиксированы Е. П. Казаковым в южной части IV Старокуйбышевского селища [Казаков, 1991. С. 108–113, рис. 38–39]; ряд находок на V Старокуйбышевском селище [Казаков, 1984. С. 42–43, рис. 4] также можно объединить в Старокуйбышевские клады. Поселения датируются XI–XII вв., а IV Старокуйбышевское селище – XII – второй половиной XIII в.

Нижнемарьянский клад выявлен в 1974 г. Е. П. Казаковым на селище близ бывшего с. Нижний Марьян. Здесь были обнаружены два больших бронзовых таза (один с массивными железными ушками) и бронзовая сковородка (?)³. Датируется селище XIV–XV вв. [Казаков, 1973. С. 90, 91].

Клады медной посуды известны и в болгарских городах. Интересны Билярские клады медной бытовой посуды. Так, в 80-х гг. XIX в. Г. С. Мурзиным в Билярске были найдены 28 медных кумганов, тазов и ковшей⁴. В Билярске в 1928–1967 гг. были найдены два кувшина, кумганы и тазы. Интересная находка была сделана в 1958 г. И. М. Кондыревым и А. Перелыгиным. Ими

¹ НА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 9132. Л. 1–4, 7.

² Там же. Д. 7922. Л. 1–3, 4.

³ НМ РТ. НМ-II-74.

⁴ НА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 9755. Л. 4.

между ближним и средним валом в юго-восточной стороне внешнего города были выпажаны вложенные друг в друга 4 больших медных таза, 4 кумгана (кумган из этого клада находится в хранилище НЦАИ ИИ АНТ) и 1 витой серебряный браслет [Халиков, 1976. С. 26]. находка вместе с посудой витого браслета датирует клад не ранее начала – середины XII в. В целом, его можно датировать серединой XII – концом XIII в. Предпочтительнее, на наш взгляд, датировка находок 2–3-й четвертью XIII в. Об этом могут свидетельствовать крупные размеры кумгана, резко отличающие его от старокуйбышевских, но имеющих аналогии в сборной коллекции из Булгар (сборы И. А. Износкова, коллекция ОАИЭ; хранится в НМ РТ), характерных для начала XIII в. и в целом для этого столетия.

Узкая датировка кладов медной посуды затруднительна. Достаточно посмотреть на вещи хотя бы одного клада (IV Старокуйбышевское селище), чтобы убедиться в их почти полной идентичности. Исходя из того, что массовое производство такой посуды приходится на XII – первую треть XIII в., то и дата их будет определяться не ранее середины XII в. и XIII в. в целом. К сожалению, мы не располагаем в настоящее время этими находками. Из массы вещей сохранились только единицы, что, естественно, затрудняет анализ таких кладов. Нижнемарьянский клад, судя по форме, технологии и деталям тазов, нужно датировать XIV в., возможно, второй половиной столетия. Старорождественский клад датируется XIII в., а Трехозерский – XII–XIII вв.

Медная посуда была достаточно ценным имуществом и поэтому, вероятно, для средних слоев населения сохранение ее в виде кладов имело немаловажное значение. Из сельских районов Западного Закамья и Предволжья известны и отдельные находки металлической посуды, и пластики. Они подробно описаны в литературе и поэтому останавливаться на них мы не будем [Факрутдинов, 1975. С. 152, 178, № 1222, 1662; Даркевич, 1975. С. 241, 235, № 2, 7, рис. 1–3; 4, 1, 3]⁵.

Не менее важной статьей дохода при внутренней торговле были предметы вооружения. Если наконечники стрел произво-

дились, как правило, деревенскими кузнецами, то оружие ближнего боя, особенно для людей на военной службе, приобреталось в городе. К таким изделиям мы относим и бронзовое навершие булавы.

Но, конечно, в большей степени торговали украшениями. Это были как достаточно простенькие и дешевые поделки, типа височных колечек с напусковой бусинкой из меди или отлитые в многоцветных формах поясные накладочки, так и достаточно дорогие изделия. Среди них выделяются стеклянные бусы, производство ряда типов которых осуществлялось с начала XII в. в Биляре, а также подвески-амулеты из привозного черного камня. Из ремесленных центров Нижнего Прикамья, в частности Измерского селища, до начала XI в. распространялись кожаные ремни с серебряными накладками, выполненными литьем с использованием матрицы. Несомненно, привозными из города на селе были практически все украшения из серебра и серебряные слитки, использовавшиеся как платежное средство или сырье.

В Булгаре и Биляре в XI–XIII вв. изготавливались серебряные перстни с черным узором. Интересно, что в большей степени эти украшения не выходили за границы болгарского государства и реализовывались на внутреннем рынке.

Находили спрос и височные украшения из драгоценных металлов в сканно-зерновой технике с филигранным изображением птицы. В археологической литературе они получили название «подвесок с уточкой». Остановимся на них подробнее.

Впервые об украшениях такого рода стало известно после находки у г. Спасск 5 мая 1869 г. клада драгоценных предметов, сведения о котором были опубликованы в Отчете Императорской археологической комиссии [ОАК, 1869. С. 19–20]. В первой публикации подвеска была датирована X в. Рассматривая состав Спасского клада, А. П. Смирнов отнес его к концу XI – началу XII в. [1951. С. 157]. Такие подвески были найдены и в Мокрокурналинском кладе. А. Х. Халиков опубликовал еще одну подвеску из окрестностей Биляра [Исследования..., 1976. С. 28, 29, рис. 7]. На сегодня на территории Булгарского царства найдено 11 таких украшений: из Биляра – 5, из Спасска – 1, из Мокрых Курналей – 2, из с. Никитское – 1, неизвестного происхо-

⁵ См. также: ОРРК НБ КГУ. Ед. хр. 1544. Л. 21, № 1153.

ждения – 2 [Руденко, 2002б. С. 35]. Предполагается, что к этому типу может быть отнесена часть подвески из Сувара. Исследователи практически единодушно склоняются к мысли, что это «специфически болгарские, не имеющие аналогий в других районах золотые височные кольца тонкой филигранной работы, трехбусинные с привесками и объемной фигуркой водоплавающей птицы, укрепленной внутри кольца» [Левашова, 1969. С. 125].

Такие изделия интересны еще и тем, что они являются примером импорта ремесленных технологий. Подвески выполнены в филигранной (сканной) технике, сочетают объемную ажурную и фоновую (напайную) филигрань и зернь [Новиков, Павлов, 1991. С. 183–185]. Материал, из которого они изготовлены, – золото 750-й пробы. Проведенные экспериментальные опыты показали, что «в древности единой технологии пайки зерни и скани не существовало... Главное – необходимо было понять принцип пайки и научиться наносить тонкий, более легкоплавкий слой припоя на поверхность спаиваемых деталей... Массовость производства подобных зерневых изделий была исключена, несомненно и то, что стоимость их была очень высокой» [Минжулин, 1990. С. 239]. По данным А. И. Минжулина, на изготовление 3 сережек с 9 бусинами требовалось примерно 23 дня в летние месяцы.

Особо стоит оговорить назначение таких украшений. Оно вполне очевидно. Это височные кольца – составная часть убранства головного убора. Носились они по одной у правого и левого виска, скорее всего, с помощью специальных ленточек из ткани или вплетаясь в волосы особым способом. К ним с особой тщательностью подбирались ожерелья. Очень распространен был сердолик, густой красный цвет которого тонко гармонировал с ярким блеском золота. Вытянутые или уплощенные бусинки, специально ограненные в виде призм, многоугольников или составленных основаниями конусов, чередовались с полупрозрачными шаровидными бусами из горного хрусталя или их подражаниями, сделанными из полупрозрачного желтоватого стекла. Нередко ожерелья составлялись из янтаря. Бусы из янтаря, сердолика и горного хрусталя производились в крупных болгарских городах и продавались на городских рынках и районных базарах. Дополнением к дорогим украшениям из по-

лудрагоценных камней служили стеклянные бусы. Разнообразные по форме и цвету, они, при правильном подборе, создавали уникальную цветовую композицию, выигрывавшую от тонкой игры света и тени, образовывавшейся на рельефных линиях орнаментированных бусин.

К золотым височным украшениям, как правило, надевались золотые браслеты со вставками из полудрагоценных камней на концах. Самыми распространенными были плетеные из нескольких проволочек браслеты. На пальцах носились перстни и кольца. Вставки были сердоликовые (иногда на них помещались арабские благопожелательные надписи) или бирюзовые. Нередко вместо вставки делалось художественно выполненное навершие из сканной проволочки, украшенное в основании пояском из зерни. В верхней части его находилась пирамидка из зерни. Прототипами этих изделий служили произведения восточного искусства, так называемого «сельджукского типа».

Особую категорию предметов внутренней торговли составляют этнические украшения.

Часть из них попала в Булгарию вместе с их владельцами, как, например, славянское вятическое височное кольцо или подражание русским подвескам-змеевикам. По сути, интернациональным стали производимые на Руси (под Киевом) каменные из шифера грузики на веретена. Они были не только предметом импорта, поскольку импортировалось и сырье, но и предметом обмена и, возможно, платежным средством.

Поскольку значительную часть населения болгарского государства составляли финноязычные популяции, то и производство соответствующих украшений, хорошо реализовавшихся как на внутреннем, так и на внешнем рынке, было налажено очень широко, они встречаются в Булгарии повсеместно. Это части накосных украшений, шумящие украшения, пряжки на пояс, оформленные согласно «моде» Приочья, стилизованные накладки и подвески также на пояс, бронзовые украшения обуви. По «финским» образцам изготавливались даже предметы личной гигиены, такие как, например, копоушки. Были в Булгарии и «модные» вещи, пользовавшиеся спросом в определенных слоях общества. Так, некоторые изделия выполнялись в «варяжско-скандинавском стиле», например, бронзовое навершие плетки.

Сырье и полуфабрикаты также выступали в качестве важной части внутренней торговли. Например, на Лаишевском селище (Чакме) найдены железные заготовки для ножей и шильев. Они выкованы в виде прямоугольных брусочков длиной до 15 см при ширине 1,5–2,5 см. Дляковки наконечников стрел использовались граненые брусочки квадратного, прямоугольного или круглого сечения. Такие заготовки найдены на Мурзихинском селище [Руденко, 2003. № 1. С. 52–59]. На IV Старокуйбышевском селище найдены скопления товарных криц, явно предназначенных для вывоза и реализации на рынке.

Существовавшие ремесленные слободы, типа селища Чакма (Лаишевского), обслуживали как ближайшие поселения в радиусе не менее 20 км, так и шли на экспорт в ближайшее зарубежье – Прикамье.

Обмен товарами или операции купли-продажи происходили чаще всего в натуральной форме, т. е. за работу кузнецу давали продукты сельского хозяйства – зерно, мясо, рыбу и т. п. Но в Биляре, на Чакме и на Старокуйбышевском комплексе найдены свинцовые конические предметы высотой до 6 см и максимальным диаметром основания около 2,5 см. Они могли выступать в качестве торгового эквивалента. Подобного рода предметы, найденные на территории могильников ранних болгар, особенно широко распространялись в городах и селах Волжской Булгарии, часто встречаются при раскопках и разведках. На основе материалов Билярского и Булгарского городища нами была проведена типология и дана хронология бытования этих предметов, названных «грузики-пломбы» [Валеев, 1985. С. 108, рис. 8].

Особо необходимо остановиться еще на одной группе предметов, которые являются непосредственными участниками товарно-денежного обращения и потому позволяют оценить уровень развития товарно-денежных отношений в Среднем Поволжье. Речь идет о монетах VIII–XIV вв. и слитках, называемых саумами (сомами).

В обращении в конце VIII – IX вв. были куфические дирхемы омейядской и аббасидской династии, сасанидские монеты [Валеев, 1985. С. 89–93]. Периодизация восточных монет для Восточной Европы включает два этапа: конец VIII – первая треть IX в. и 833–900 гг. [Янин, 1956. С. 83–136]. Эти

монеты найдены в могильниках ранних болгар, таких как Больше-Тарханский, Кайбельский, Танкеевский, Тетюшский [Валеев, 1985. С. 92]. Одним из древнейших кладов, найденных в Среднем Поволжье и в целом Восточной Европе, является клад около с. Альметьево, в 20 км от Билярска. В нем более 150 дирхемов VIII–IX вв. [Кропоткин, 1971]. К этому же времени относится более восьми находок монет [Валеев, 1985. С. 147, табл. 9; Руденко, 2002а. С. 37]. В X в., который в данном отношении делится также на 2 этапа (900–938 гг., 938 – конец X в.) [Янин, 1956. С. 83–136], происходит резкое увеличение куфических дирхемов, в особенности саманидской, а также иных мусульманских династий. К этому времени относится 19 кладов и 12 отдельных находок монет [Валеев, 1985. С. 148–149, табл. 10; Мухамметшин, 1999; Руденко, 2002а. С. 37]. Сасанидские драхмы и монеты разных мусульманских династий, являясь предметами импорта, активно участвовали во внутренней торговле.

Политические предпосылки и потребность в дирхемах привели к появлению собственно болгарских монет, начало чеканки которых относится к 902–908 гг., а последняя известная монета к 986–987 гг., а также к организации булгарами чеканки так называемых «варварских» подражаний саманидским дирхемам [Валеев, 1985. С. 95–100]. В конце X – начале XI в. в обращении были западноевропейские денарии, в основном германские, чешские, английские, а также византийские монеты [Там же. С. 94–95]. В связи с нехваткой денег в XI–XII вв. и наступлением «серебряного кризиса» население Волжской Булгарии стало широко использовать обломки монет, которые имели самостоятельное значение. Автор середины XI в. ал-Гардизи об этом пишет: «Эти дирхемы они ломают, и каждый кусок (употребляют в дело)» [Заходер, 1967. С. 34–35].

В конце X – начале XI в. на территории Булгарии появляются денежные слитки из серебра, а со второй половины XI – XIV в. они широко используются во внутренней торговле, являются весьма удобной формой для осуществления крупных торговых операций. Это кусочки серебра самых различных форм, «круглые» (так называемые балешы) и «новгородские» слитки [Валеев, 1985. С. 101–107].

После монгольского нашествия Булгария в качестве одной из областей входит в состав Правого крыла Улуса Джучи и в Булгаре в 40 – начале 50-х гг. XIII в. начинается чеканка джучидских монет (серебряных дангов и медных пулов). Ярким показателем развитых товарно-денежных отношений в данный период является широкое распространение монет на территории Среднего Поволжья, о чем ясно свидетельствуют клады и находки монет. На территории Волжской Булгарии найдено более 110 кладов, а в целом в Среднем Поволжье и Приуралье – более 150 кладов и более 130 находок джучидских монет. Так, клад, найденный в Булгарах в 1882 г., состоял из 14 серебряных саумов и более чем 1 000 дангов Ариг-Буги. Мало-Атрясинский клад, найденный в 1954 г. в Апастовском районе, весил около 15 кг и состоял из джучидских монет XIV в. и золотых индийских монет, чеканенных в Дели в 1341 г. Каратунский клад, найденный в 1986 г. в Апастовском районе, состоит из более чем 30 тысяч монет XIV в. всех ханов Золотой Орды, иранской династии Джалаиридов, Тимура, Трапезунда, пражского гроша и русских монет Рязани, Москвы и Нижнего Новгорода. Динамика кладов следующая: клады XIII – начала XIV в. – 13 (и несколько находок монет, причем только на территории Булгарии); 1310–1380 гг. – 78; 1380–1400 гг. – 18 [Федоров-Давыдов, 2003. С. 139–158].

Таким образом, археологические находки свидетельствуют о широко развитой внутренней торговле Булгарии, имеющей выход и на внешнюю торговлю, обширном ассортименте товаров, быстром усвоении производства новых форм изделий, модных предметов и прогрессивных технологий. К сожалению, археологические источники не дают возможности ответить на вопрос о цене за эти товары, но они позволяют проследить основные «потoki» ремесленной продукции, продуктов сельского хозяйства в обмен на высокотехнологичную продукцию ремесленного производства и денег. Если в период X – начала XI в. обмен с городом был еще недостаточно развитым, а потребности села в деньгах и городских ремесленных товарах были невелики, то во второй половине XI – начале XIII в. и, особенно, во второй половине XIII – XIV в. наличие кладов вещей, серебряных слитков и джучидских монет, широкое распространение се-

ребряных дангов и медных пулов не только в городах, но и на селе свидетельствуют о расширении товарно-денежных отношений в Среднем Поволжье и Прикамье, возможно, наличии оптовой торговли.

Список литературы

- Валеев Р. М. Волжская Булгария: торговля и денежно-весовые системы IX – начала XIII в. Казань, 1985. 158 с.
- Даркевич В. П. Медная и бронзовая посуда из Волжской Булгарии (XIII–XIV вв.) // СА. 1975. № 2. С. 235–241.
- Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967. Т. 2. 212 с.
- Иванов В. А., Кригер В. А. Курганы Кыпчакского времени на Южном Урале. М., 1988. 89 с.
- Исследования Великого города. М., 1976. 261 с.
- Казаков Е. П. Отчет о работах на Куйбышевском водохранилище в пределах ТАССР в 1972. Казань, 1973. Архив ИА РАН. Р. 1, № 4783. 121 с.
- Казаков Е. П. V Старокуйбышевское селище // Археологические памятники Нижнего Прикамья. Казань, 1984. С. 42–43.
- Казаков Е. П. Булгарское село X–XIII вв. низовий Камы. Казань, 1991. 176 с.
- Кропоткин В. В. Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе // Нумизматика и эпиграфика. М., 1971. Т. 9. С. 76–97.
- Левашова В. П. О сходстве височных украшений волжских болгар с великоморавскими // Древности Восточной Европы. М., 1969. С. 125–130.
- Минжулин А. И. Технология зерна // СА. 1990. № 4. С. 231–240.
- Мухаметшин Д. Нумизматические находки из домонгольского слоя Казанского Кремля // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII вв. Казань, 1999. С. 235–237.
- Новиков В. П., Павлов В. С. Ручное изготовление ювелирных украшений. СПб., 1991. С. 183–185.
- Отчет археологической комиссии. СПб., 1869. С. 19–20.
- Полевой Л. Л., Брыня П. П. Средневековые памятники XIV–XVII вв. Археологическая карта МССР. Кишинев, 1974. Вып. 17. 174 с.

Руденко К. А. Металлическая посуда Поволжья и Приуралья в VIII–XIV вв. Казань, 2000. 110 с.

Руденко К. А. Волжская Булгария в системе торговых путей средневековья (по материалам раскопок Речного (Остолоповского) селища в Алексеевском районе Татарстана) // Великий Волжский путь: история формирования и развития. Казань, 2002а. Ч. 2. С. 31–45.

Руденко К. А. Легенды и мифы о золотой птице // Золото и серебро казанских татар. Казань, 2002б. С. 32–41.

Руденко К. А. Железные наконечники стрел VIII–XV вв. из Волжской Булгарии. Исследование и каталог. Казань, 2003. 511 с.

Смирнов А. П. Волжские булгары. М., 1951. 275 с.

Фахрутдинов Р. Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань, 1975. 217 с.

Федоров-Давыдов Г. А. Денежное дело Золотой Орды. М., 2003. 351 с.

Халиков А. Х. Семеновский клад железных изделий // Из истории ранних булгар. Казань, 1981. С. 102–107.

Хлебникова Т. А. Керамика памятников Волжской Булгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М., 1984. 240 с.

Юнусова-Ключникова Р. М. Максимовский клад // Средневожская археологическая экспедиция. Куйбышев, 1977. С. 93–98.

Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956. 204 с.

Материал поступил в редколлегию 16.02.2009

R. M. Valeev

**THE OBJECTS OF INTERNAL TRADE IN VOLGA BOULGARIA IN IX–XIV CENTURIES
(ACCORDING TO ARCHEOLOGICAL DATA)**

The internal trade in Middle Volga and Kama regions in X–XIV centuries has been examined insufficiently. For Boulgar Middle Age period archeological finds show the scope and nature of the movement of goods, the moving forces and trends of commodity production growth not only in cities but also in the country. The testimonial of the items of internal trade in Volga Boulgaria – pottery ceramics, the objects of blacksmith's work, copper vessels and other samples made of copper and bronze, precious metal jewelry – has been made. Some items are of interest for being an example of imported handicraft technologies, the dissemination of cultural achievements of this period as a result of trade connections.

Keywords: Volga Boulgaria, items of internal and external trade, farm implements' and copper vessels' treasures, temporal rings, silver rings, «pendant with a duck», glass beads, necklaces, ethnic jewelry.